

Удовольствие от обмана

О, наслажденье скользить по краю...

1

Любителям детективного жанра, шпионских историй и авантюрного романа наверняка знакомо неловкое чувство того, что они являются невольными соучастниками преступных схем, коварных замыслов и хитроумных комбинаций. Речь идет о «незаконном» сочувствии, которым пропитывается читатель в процессе идентификации себя с героем-обманщиком, будь то изобретательный плут Рейнеке-лис, виртуозный аферист Остап Бендер или наивно-романтический вор Юрий Деточкин. Даже когда за преступниками тянется кровавый след, как в истории Бонни и Клайда, читатель способен вынести колоссальное сопротивление материала и с энтузиазмом «болеть» за своих героев, искушаясь тем, как они заматают следы и уходят от погони. Мотивы столь странного соучастия сложны, но одним из них, несомненно, является *удовольствие*, а именно тот его вид, что заключен в обмане как образе действия.

Спрашивается, как связаны обман и удовольствие и что лежит в основе этой связи?

Первое, что приходит на ум — это игра. Игра приносит удовольствие, а обман — это элемент игры. Прежде всего, мы имеем в виду тот род игр, главным содержанием которых является соперничество и единоборство — не важно, силовое или интеллектуальное. Там, где силы противников примерно равны (притом, что со слабым противником играть не интересно), решающее значение имеют обманка, уловка, некое ухищрение. Наиболее показательным примером такой уловки является карточный блеф. Но и в игровых видах спорта, таких как футбол, хоккей, гандбол, волейбол, ключевое значение играют не только сила, быстрота и выносливость, но и ложный замах, финт, дезориентация соперника. Всё это, что можно назвать *легальными* формами обмана. На границе дозволенного расположены трудно верифицируемые приемы

«нечестной» игры, такие как симуляция нарушения в штрафной, «удар ниже пояса», давление на арбитра и т. д. Восторг игрока, как и его болельщиков, по поводу того, как он ловко всех обвел вокруг пальца, — свидетельство того, что надувательство является неким циммесом¹ игры, без которого она была бы рутинным занятием. Игровой азарт — прибавочный продукт любой игры. Однако в обманных стратегиях он приобретает особенно сильную, агональную форму, что связано с вызовом и риском провала. «Обмани меня, если сможешь!» — победитель в такой игре получает символические преференции, в то время как обманутый — весьма обидный статус «лоха», «дурака», «простофили».

Между тем, блеф — не только элемент игры. Это ещё и признанная культурой норма того, что принято считать более серьезным, — дипломатии, войны, публичной политики, повседневных коммуникативных практик от банальных ухаживаний до собеседования при приёме на работу. Блеф — легальная разновидность обмана. Как способ представления себя другому в качестве того, кем на самом деле не являешься, блеф — феномен социальной конкуренции и негласно признанный способ борьбы за место под солнцем. И если в мире животных уступка является законом и безотказно действующим механизмом самосохранения вида, то в мире людей вызов более сильному противнику становится проявлением отваги и доблести. Способность обманывать, а не быть обманутым считается признаком социальной зрелости. Хитроумие, находчивость и изобретательность входят в список человеческих достоинств, а хитрость, коварство и изворотливость расцениваются как этически негативное их продолжение.

Блеф — это феномен *сильной игры слабой рукой*. Значение такой игры тем весомее, чем выше ставка и чем сильнее соперник. Обман слабого не делает чести. Победа за явным преимуществом не приносит удовлетворения. Напротив, блефовать, находясь в «проигрышной» позиции, равно как и переиграть шулера на его собственной территории, — вот что является доблестью для авантюрного ума.

Вполне вероятно, что изобретение лжи стало одним из первых изобретений человечества. Обман сильнейшего нарушает фатализм природной зависимости, давая слабому шанс

¹ Цимес — десертное блюдо еврейской кухни.

на лучшее место в социальной иерархии. В зародышевой форме обман существует уже у высших животных². Однако подлинный размах он приобретает в процессе общественной деятельности людей. Коллективная защита и охота на более сильных животных требовали не только общественной солидарности, но и искусственных изобретений в виде ловушек, загонов и обманных стратегий. В некотором отношении орудийная деятельность, техника и соответствующая им изобретательность есть обман — обман самой природы. Архетипом и образцом технического модуса лжи может служить хитроумная машина Одиссея — троянский конь. Именно это изобретение и обманный маневр Одиссея, а вовсе не сила и храбрость Ахиллеса становятся решающим фактором многолетней войны. Поскольку доблести эллинов противостоит соразмерная доблесть троянцев, постольку крупницей, нарушающей равенство весов, становится некий креативный ход — акт фальсификации, производящий *избыток*. В этом смысле мы и говорим о лжи как важнейшей культурной способности³.

Несмотря на то, что в ходе истории ложь была вытеснена на маргиналии культуры, уступив место более надежным формам противостояния внешним угрозам в виде институтов общественной солидарности и стратегического планирования, её значение как явления *сильной игры слабой рукой* отнюдь не уменьшилось. Напротив, как только сильные карты оказываются биты, крапленая карта лжи достается из рукава и используется в качестве козырного аргумента в столкновении интересов и сил. В ситуации нарушающего равенство обмана важнейшей задачей становится «не оказаться в дураках», а это значит, что культура сама в определенной мере заинтересована в существовании субъектов, способных к распознаванию лжи, а следовательно, к обману. Обманщик необходим культуре как хирургический скальпель, взрезающий пласты наивности и мнимой реальности и тем самым испытывающий содержание культуры на фальсифицируемость.

² Гудолл Дж. Шимпанзе в природе: поведение. М. : Мир, 1992.

³ Разинов Ю. А. Метафизика кривых троп: очерки об экзистенциальной природе истины и заблуждения : монография. Самара : Изд-во «Самарский университет», 2011.

Культурный и социальный инфантилизм заслуживает лжеца. Общество, не реализовавшее в полной мере интенцию лжи, подобно стаду тучных животных, которое привлекает к себе хищников.

Кроме того, важно понимать, что обман не является односторонним действием обманщика в отношении «жертвы». Он осуществляется на встречах курсах. Лжец использует идущую ему навстречу собственную энергию обманутого. В этом отношении обман осуществляется на почве иллюзий, пороков и страстей того, кого обманывают. Как писал классик, «ах, обмануть меня не трудно, я сам обманываться рад». И если обманывать детей грешно, то надувать корыстных скряг, непроходимых тупиц и самовлюбленных нарциссов полезно для их же собственного ментального здоровья. Уловка обманщика может оказаться лишь квантом в «механике» человеческих страстей и желаний. Причем так: чем мощнее желание, тем сильнее рычаг обмана. Таков обман графа Монте-Кристо, вершащего суд с помощью алчности своих обвинителей. Таков механизм обмана карточных шулеров и уличных «кидал», которые раздевают азартных игроков до нитки. Профессиональные обманщики прекрасно знают, что людьми движут жадность, страх и раздутое самомнение, которое внушает им иллюзию легкого выигрыша. Поэтому с идеологическим обеспечением у шулеров обычно всё в порядке. У них всегда найдется оправдание на случай разоблачения. Они с легкостью докажут, что причиной обмана являются собственные действия жертвы, да ещё и выставят себя своеобразными учителями мудрости, вовремя указавшими на скрытые пороки, что одновременно является очередной уловкой.

Итак, обман есть действие в направлении *желания* желающего субъекта. Сила этого желания бывает такова, что она сама провоцирует обман. Азарт обманщика питается идущим навстречу желанием обманутого. В этом смысле существенной стороной обмана является самообман.

Вместе с тем, искусно работая с желанием другого, обманщик и сам подвержен желаниям. Он так же, как и его «жертва», бывает одержим страстью и азартом. Последнее часто играет с обманщиком злую шутку. Азарт либо выдает

лжеца, либо предает его в том смысле, что захватывает его и мешает вовремя остановиться.

Такой азарт не обязательно связан с алчностью и мотивом наживы. Корпус лжи слишком широк и разнообразен, чтобы пытаться уложить его на столь узкое ложе. Это заметил уже Аристотель, который выделил такой модус лжи как «ложь просто так»⁴. Этот вид лжи Аристотель противопоставил лжи «по необходимости» и тем самым указал направление для дальнейшего рассмотрения, каковым является свободная, «ничем» не мотивированная ложь. Не решившись продумать ложь в этом направлении, Аристотель, тем не менее, создал повод для разработки концепта. Ведь если речь вести о *свободе* и опыте *свободы во лжи*, то это, возможно, прояснит природу того игрового азарта, который явно указывает на нечто во лжи, что больше самой лжи. Ведь очевидно, что азарт обманщика не отсекается никаким морализаторским секвестром бюджета лжи, а потому должен быть вынесен за скобки тех мотивов, которыми обычно объясняется ложь: *корысть*, *страх* и *зависть*. Этот мотив связан с пограничной формой существования человека как свободного существа, соответствующей пробой сил и испытанием границ.

Для того чтобы получше разобраться в мотивах лжи, обратимся к исследованию американского психолога П. Экмана.

2

Решая задачу детекции лжи, П. Экман выделил три вида эмоций, которые могут быть поведенческими признаками обмана. Это *страх разоблачения*, *угрызение совести* и *восторг надувательства*. Основной постулат его «Психологии лжи» заключается в том, что ложь, переживаемая как моральное, религиозное или правовое *преступление*, сопряжена с сильным эмоциональным переживанием, которое трудно скрыть полностью⁵. Следовательно, ложь можно диагностировать не только с помощью технических приспособлений (детектора лжи), но и в непосредственном наблюдении. Со-

⁴ Аристотель. Никомахова этика // Соч. : в 4 т. Т. 4 / Аристотель. М. : Мысль, 1984. С. 140.

⁵ Экман П. Психология лжи. СПб. : Питер, 2003.

гласно Экману, каждая из перечисленных эмоций есть проявление той *внутренней борьбы*, которая происходит в сознании лжеца, находящегося в силовом поле морально-правового взаимодействия.

Мысль Экмана не является новой. Именно так, а не с помощью приборов для объективного анализа, выявлялся обманщик испокон веков. Однако при всей справедливости тезиса о том, что эмоциональное напряжение обусловлено внутренним конфликтом, бросается в глаза явная асимметрия в самом эмоциональном спектре лжеца. Если первые две эмоции («страх разоблачения» и «угрызение совести») характеризуют *морально-правовое* сознание лжеца и переживаются им *негативно*, то «восторг надувательства» — это эмоция, которая не детерминирована морально-правовым сознанием (по крайней мере жестко) и переживается им *позитивно*. Восторг обманщика говорит о том, что его действия не скованы чувством вины и свободны от страха наказания. Такая ложь связана с трансгрессией за границу добра и зла и мотивирована удовольствием от трансгрессии.

Нельзя сказать, что такое удовольствие полностью лишено моральной составляющей, хотя бы потому, что оно бывает *сдержанной* эмоцией. За исключением «наглой лжи» и самозабвенного вранья азарт обманщика может быть сопряжен с чувством легкого стеснения, неловкости. Но и в этом случае он кажется весьма «подозрительным» и «незаконным» с этической точки зрения. Он явно диссонирует с чувством вины и противоречит нашим обычным установкам. Напротив, *боязнь разоблачения* и *муки совести* представляются вполне законными эмоциями, так как свидетельствуют о сознании греха. Такова естественная установка сознания. Находясь в ней и спотыкаясь об неё, мы машинально определяем удовольствие от обмана как нечто циничное и беспринципное, как нечто чудовищное.

Но не является ли такой взгляд следствием односторонней оценки и упрощенного понимания гораздо более сложного феномена? Заняв предосудительную позицию, ответим ли мы на вопрос о природе обмана, а главное — о мотивах столь странного и «незаконного» восторга?

Очевидно, что эти вопросы заслуживают большего внимания, нежели трехстраничный обзор П. Экмана. К тому же,

как психолога-практика его интересовала не природа удовольствия от обмана, а характер его внешнего проявления. Мы же поставим вопрос иначе: *есть ли в обмане нечто помимо самого обмана?* В чем секрет того азарта, который захватывает обманщика, остающегося при этом нормальным членом общества?

Само выражение «восторг надувательства» (*duping delight*) указывает на то, что речь идет о чём-то большем, чем сопутствующая всякому обману ложь. Слово *delight* означает «удовольствие», «наслаждение», «восторг», «прелесть», «улада». В целом ряде моральных систем удовольствие само по себе, то есть *как таковое*, уже является тем, чего следует стыдиться. А тут наслаждение! И чем? Ложью! «Верх моральной распушенности!»

Между тем выражение «восторг надувательства» несет в себе явную иронию. Глагол *to dupe* аналогичен русскому глаголу «дурить», «одурачивать» и буквально означает *делать дураком*. Ему соответствует слово с ещё более сильной коннотацией — «околпачивать», то есть надевать шутовской колпак. Таким образом, «восторг надувательства» относится не к эпистемологически нейтральному акту введения в заблуждение, дезинформации, искажению и т. п., а отсылает к эмоционально окрашенной ситуации состязания, в котором кто-то оказывается в положении проигравшего — идиота, простофили, дурака, терпилы, лузера⁶. Ирония здесь играет на стороне обманщика, а не его «жертвы», ибо едва ли положение обманутого можно считать заслугой. Скорее наоборот. Как свидетельствует целый ряд идеоматических выражений, положение обманутого представляется более постыдным, нежели статус обманщика. Старая английская поговорка гласит: «Одурачишь меня один раз — позор тебе. Одурачишь меня дважды — позор мне». Похожие поговорки встречаются в фольклоре других народов. «Если кто-то обманул тебя один раз, то поступил несправедливо, а если дважды, то отдал тебе должное», — утверждает шведская мораль. Аналогично звучит румынское выражение: «Если обманулся ты

⁶ Современный сленг от *англ.* *to lose* — терять, упускать, лишаться, забывать, заблудиться.

впервые, виноват обманщик, а если дважды — ты сам». Та же мысль сквозит в адыгейской мудрости: «Если обманет тебя один и тот же человек трижды, ты глуп; если ты упадешь в одну и ту же яму трижды, ты слеп».

«Надуть», «одурачить», «околпачить», «обмишулить», «обвести вокруг носа», «навешать лапшу» — подобные выражения представляют обман не просто как корыстное действие лжеца, в котором обманутый является «жертвой», а как особое *энергичное* противостояние двух субъектов, один из которых предположительно способен противостоять обману другого. Обмануть того, кто сам способен обманывать, то есть не отнять, не украсть незаметно, а *выиграть в дуэли* — вот что доставляет наслаждение. Обман как коммуникативный акт, не скованный этической рефлексией, содержит в себе радостное состояние вызова, игру сил и азарт сопутствующего риска. Удовольствие от обмана тем выше, чем сильнее противник, чем выше ставка или сложнее ситуация обмана. Ведь любое оружие, в том числе и острей лжи, может совершенствоваться, лишь пробивая всё более эффективную защиту и нейтрализуя активное сопротивление. Выигрыш в карточной игре с сильными картами не приносит той радости, которую приносит блеф. Обвести вокруг пальца целую институцию — жандармерию, налоговую инспекцию, контрольно-ревизионную комиссию, экспертное сообщество, спецслужбу — вот заманчивая цель для настоящего авантюриста.

3

Азарт лжеца — странный «довесок» к традиционной оценке обмана в качестве корыстного и злонамеренного действия. Этот довесок спутывает все карты морализирующему оппоненту, ибо свидетельствует о чем-то большем, чем элементарный сухой расчет. Азарт отсылает нас к влечению, удовольствию и наслаждению. Наслаждение же, как показал Ж. Лакан, — это такой прибавочный объект («объект-штрих»), который делает влечение чем-то другим по отношению к его наличным целям. В терминах Маркса, удовольствие — это «прибавочная стоимость», повышающая «капитализацию» обмана как прагматической операции. Благодаря такой «капитализации» стоимость «активов» афериста резко возрас-

тает: он переходит из разряда банального жулика в ранг героя авантюрного приключения.

Примером такого героя может служить Остап Бендер. Помимо того, что Остап — «благородный жулик», обнажающий пороки системы, он азартен, смел, изобретателен. Он «великий комбинатор», немного романтик и почти художник. Им движет романтический порыв получить всё и сразу — задача трудно выполнимая, а потому авантюрная. Его привлекает игра, а не выигрыш сам по себе, точнее так: *игра, достойная выигрыша*. Поэтому всякий раз, выпуская добычу из рук, он с легкостью возобновляет свое авантюрное предприятия. Он легок, так как искомый (и по существу символический) приз не висит на его ногах пудовыми гирями. Сумму мотивов, которые движут авантюристом, каковым является Остап Бендер, лучше всего выражают слова из экранизации «Двенадцати стульев»:

«О, наслажденье скользить по краю,
Замрите, ангелы, смотрите, я играю,
Моих грехов разбор оставьте до поры,
Вы оцените красоту игры»⁷.

Именно так — разбор грехов оставив до поры — следует подойти к феноменам авантюрного разума.

Слово «авантюра», пришедшее к нам из французского языка, в русском словоупотреблении нагружено негативным значением. В европейских языках оно звучит нейтрально и означает «рискованное предприятие», «приключение». Латинское *adventura* образовано от глагола *venio* со значением «наступить», «случаться», «приключаться», «возникать»⁸. Таким образом, само слово указывает на то, что природа авантюризма состоит в тяге к начинанию, предприятию, новизне, к постоянному обновлению чувств и форм жизни. Авантюристом движет мотив «страстного открытия неизвестного» (М. Кундера). Если базовым влечением чистого разума, как говорил Кант, является «стремление разума завершить свой

⁷ Слова из песни Е. Миронова в экранизации романа «Двенадцать стульев» режиссером Марком Захаровым.

⁸ *Дворецкий И. Х.* Латинско-русский словарь. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Русский язык, 1976. С. 1063—1064.

труд»⁹, то свойством авантюрного разума является не завершение, а *начинание*, причем такое начинание, которое готово бросить любое предприятие. И этот смысл присутствует в первичном плане значения слова *adventura* — «предприятие». Авантюрист — это всегда предприниматель, хотя и не каждый предприниматель — авантюрист. Свойствами авантюрного героя являются соответствующее всякому начинанию бесстрашие, порой переходящее в бесшабашность, склонность к риску, хитрость, изобретательность и изворотливость ума. Таковым был древний герой Одиссей, который уже в античной традиции определялся прилагательным «*polytropos*», которое обычно и весьма неточно переводится словами «хитроумный» и «многоопытный». В буквальном же переводе *polytropos* означает «оборотистый» (проворный, изворотливый). Само многообразие кривых путей, символом которого служит морское путешествие, требовало от Одиссея проворности и изворотливости ума. Да и само имя Одиссея дает жизнь полному неожиданных поворотов авантюрному предприятию и приключению — одиссее. Авантюрист — это не только герой обмана, но и субъект трансгрессии. Именно это звучит в словах О. Бендера: «О, наслажденье скользить по краю, / Замрите, ангелы, смотрите, я играю». Событие и нонсенс есть то, в чем сущностно заинтересовано любое авантюрное предприятие.

Такой ракурс рассмотрения лжи позволяет прояснить природу того живого участия в судьбе обманщика, которое испытывает поклонник шпионского, детективного и авантюрного жанров. Обман в сюжете идёт навстречу читательскому интересу к опыту трансгрессии как опыту ускользания за пределы. Ставя себя на место обманщика, читатель испытывает возможности и экзистенциальные горизонты джи. Его интересует не моральная оценка лжеца и правовые последствия лжи — они хорошо известны. Его интересуют другие вопросы: как долго можно водить за нос, что ещё можно придумать, как далеко можно в этом зайти? Читательский интерес, равно как и острота подобных вопросов, существен-

⁹ Кант И. Критика чистого разума // Соч. : в 6 т. Т. 3 / И. Кант. М. : Мысль, 1964. С. 573.

но возрастает, если обманщик, бросая вызов системе, вступает в противоборство с коллективной волей и способностью людей с их институциональными возможностями. На мелкой краже можно построить морализирующую историю, в лучшем случае мелодраму. Для хорошей детективной истории необходимы ограбление банка или побег из тюрьмы. И если, к примеру, хакер банковской системы, горя задором, ворует из магазина банку патиссонов, в то время как за ним идет системная охота, то это говорит о том, что у него есть большой и нерастраченный запас душевных сил (фильм «Лимита», 1994 г.). С хохотом, восторгом и банкой патиссонов в руках, сверкая пятками, как Остап Бендер, авантюрные герои сбегают от рутины повседневной жизни. Для персонажа данного типа кража «на хапок» — не признак безрассудности. Это острая приправа в его игре с пределом. Именно такое *бегство от рутины* движет читательской массой, на воображаемом уровне вовлеченной в авантюрное предприятие.

Интерес к опыту трансгрессии и нарушению нормы заложен в самой культуре, которая в одной из своих ипостасей является *культурой поощрения лжеца*. Образ морализирующего персонажа читателю и зрителю не интересен. Поощрение лжеца — это скандальная формула, которая даже не заявлена в качестве темы для философской рефлексии. Между тем ложь играет важную антропо-, социо- и культурогенную функцию¹⁰. Она направлена на формирование зон сокрытия и умолчания, необходимых любой культуре. Культурное поощрение обмана начинается с безобидной игры в прятки, где закладываются первые азы сокрытия и обнаружения и, кстати говоря, формируется *продуктивное воображение*, и заканчивается тиражированием положительных образов лжеца, плута и пройдохи в литературе и кино. Наш герой Остап — квинтэссенция данного образа.

Авторы, сводящие обман к *информационному* процессу, в частности, явлению «дезинформации» (Д. И. Дубровский¹¹),

¹⁰ Шалютин Б. С. Человек лгущий // Человек. № 5. М., 1996; Секацкий А. К. Онтология лжи. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2000.

¹¹ Дубровский Д. И. Обман. Философско-психологический анализ. М.: Канон-плюс, 2010.

упускают из виду не только психологический, но и экзистенциально-феноменологический аспект этого явления. Как взаимная игра сокрытий, обман — не просто информационный акт. Это ещё и экзистенциальное событие вызова и испытания, проверки «на прочность» (нефальсифицируемость) своей позиции. Девизом такого вызова является: «обмани меня, если сможешь!» Дело в том, что обман независимо от намерений обладает высоким мобилизующим эффектом. Им обладает не только пресловутая «ложь во спасение», но и «злонамеренная» ложь. Обычно если и говорят о позитивной функции обмана, то имеют в виду так называемую «благонамеренную» ложь. Самый популярный пример — сокрытие негативной информации от неизлечимо больного, поддержка иллюзии выздоровления, эффект плацебо. Медицинская ложь оправдывается целым рядом моральных соображений, главным из которых является то, что она мобилизует жизненные ресурсы больного. Об этом говорят почти все, кто пишет о лжи в данном ракурсе. Но мы бы хотели заострить внимание на другом полюсе мобилизации, каковым является коварная ложь. О её значении говорят значительно реже. Между тем опыт коварного обмана и бытия обманутым не только обладает «отрезвляющим» эффектом, он формирует особый вид резистентности — устойчивость к обману. Осваивая социальные формы сокрытия, умолчания и лицедейства, иными словами, проходя сложные культурные механизмы кодировки «ложь-сознания» (термин А. Секацкого), человек приобретает необходимые навыки распознавания лжи. Способность ко лжи, как и способность к сопротивлению лжи, в первую очередь есть признак духовной развитости человека и лишь в последнюю — его порочности. К тому же о «порочности» мы говорим только в тех случаях, когда эта способность использована во зло. Сознание лжи — состояние «бодрствующего, уверенного в себе самом сознания», итог его исторической эволюции, о которой Гегель писал, что сознание (по его природе) «не позволит подойти к себе сзади, а всегда грудью встречает противника, ибо общий ход вещей таков, что всё — для него, что всё — перед ним»¹².

¹² Гегель. Феноменология духа. М.: Наука, 2000. С. 197–198.

Подведем итог. Обман — не просто вид коммуникативного акта. Это экзистенциальное предприятие субъекта в игре разума. Обман, являясь важной составляющей многих игр, сам может осуществляться в модусе игры. При положительном исходе он дает превосходство над соперником. Напротив, сознание того, что тебя надули, «развели, как лоха», приносит подчас большие мучения, нежели корыстный предмет надувательства. Чувство превосходства, конечно, может быть гипертрофированным и доходить до степени презрения к «жертве» обмана, но такое презрение — лишь следствие того, что противник изначально более слаб. Потешаться над простаком или обманутым ребенком — убогий поступок, означающий лишь то, что обманщик по большому счету сам простак. Вот и Экман признает: «Удовольствие от обмана возникает, вероятнее всего, тогда, когда человека, которому адресуется ложь, довольно трудно одурачить»¹³. Этот важный момент позволяет нам признать, что стратегия обмана — это не просто фальсификация и дезинформация. Это полное напряжением событие субъекта, за которым скрыто важное экзистенциальное основание. Удовольствие, которое испытывает обманщик, есть всего лишь эмоциональное проявление того фундаментального отношения, которое мы называем *влечением к обману* и которое следует изучать.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аристотель*. Никомахова этика // Соч. : в 4 т. Т. 4 / Аристотель. Москва : Мысль, 1984.
2. *Гегель*. Феноменология духа. Москва : Наука, 2000.
3. *Гудолл Дж.* Шимпанзе в природе: поведение. Москва : Мир, 1992.
4. *Дворецкий И. Х.* Латинско-русский словарь. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : Русский язык, 1976.
5. *Дубровский Д. И.* Обман. Философско-психологический анализ. Москва : Канон-плюс, 2010.
6. *Кант И.* Критика чистого разума // Соч. : в 6 т. Т. 3 / И. Кант. Москва : Мысль, 1964.

¹³ *Экман П.* Психология эмоций. Я знаю, что ты чувствуешь : пер. с англ. СПб. : Питер, 2010. С. 271.

7. Разинов Ю. А. Метафизика кривых троп: очерки об экзистенциальной природе истины и заблуждения : монография. Самара : Изд-во «Самарский университет», 2011.

8. Секацкий А. К. Онтология лжи. Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2000.

9. Шалютин Б. С. Человек лгущий // Человек. 1996. № 5.

10. Экман П. Психология лжи. Санкт-Петербург : Питер, 2003.

11. Экман П. Психология эмоций. Я знаю, что ты чувствуешь : пер. с англ. Санкт-Петербург : Питер, 2010.